

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 24, Is. 2, pp. 125–132, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-24-2-125-132
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDK 821.161.1.09+821.512.37.09

The Other National (Kalmyk) Component in I. I. Lazhechnikov's Novel "The Ice House"

Elena A. Orlova¹

¹ Senior Lecturer, Department of Russian and Foreign Literature, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: elena.orlova08@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the other national, particularly Kalmyk component in I. I. Lazhechnikov's historical novel "The Ice House" (1835). Ethnographic details of the Kalmyk national culture and everyday life presented in the novel are supposed to expand the image of historical and ethnographic aspects of life of different peoples in the multinational Russia and show the growing interest of the Russian romanticists in "other" nationalities, alien culture.

The author of the article analyses characteristic features of the way Lazhechnikov depicts facts of Kalmyk life that are ethnographic by nature and add to its specific historical colouring: national portrait details (the Kalmyk's "mole eyes"); Kalmyk weapon ("a quiver of arrows"); a special form of offerings performed by Kalmyks to deities during Buddhist rituals (figures of dough and butter — "torma"); a means of transport ("Kalmyks riding camels"); types of Kalmyk traditional clothing (Kalmyk sheepskin coat, fur coat). The author of the article points out that references to the Kalmyks, elements of their culture and everyday life scattered through the text of the novel are rather informative and laconic, thus, indicating, on the one hand, the writer's attempt to make his narrative historically verisimilar and, on the other hand, the emergence of ethnographic trends in the Russian literary process in the first third of the 19th century.

Particular attention is drawn to one of the main characters of the novel — Akulina Savvishna Podachkina whose prototype was a Kalmyk woman Evdokia Ivanovna Buzheninova, Anna Ioannovna's court jester. The plot of the novel is based on the well-known historical fact of the "ice" wedding between the Kalmyk female court jester Buzheninova and a disgraced nobleman, the court appointed entertainer Golitsyn. The author of the article compares the historical prototype with the character in the novel, revealing Podachkina's temper and role of in the plot of the story.

The character sketch of the "lady's maid" Podachkina remains mentally unidentified, Lazhechnikov does not indicate the female character's national identity, though the repeated references to the Kalmyk people and thorough study of scholarly works on the steppe people's life show his good acquaintance with Kalmyk culture and everyday life. Lack of attention to the female character's nationality is determined by the insufficient biographical information regarding the Kalmyk female court jester and the author's position who deliberately ignores the fact and moves the emphasis from the historical truth to depiction of the moral climate of the age.

The article touches upon the problem of historicism of the novel and the reasons of non-compliance with historical truth in the works of the romantic writer.

Keywords: other national component, romanticism, ethnophism, historical novel, historicism.

Исторические романы Ивана Лажечникова сыграли значительную роль в формировании русской исторической прозы XIX в. Исследовательские работы В. В. Сиповского [1928], Н. Л. Степанова [1953], С. М. Петрова [1962] поднимали важные проблемы становления жанра исторического романа в русской литературе, в частности в творчестве И. И. Лажечникова. Специальному изучению художественного наследия «первого русского романиста» посвящены работы В. С. Нечаевой [1945], М. В. Нечкиной [1979], Н. Н. Петруниной [1985], а также кандидатские диссертации Т. С. Литвиновой [1960] и Н. Г. Ильинской [1969]. 90-е гг. XX в. отмечены статьями В. Викторовича [1992] и В. Ю. Троицкого [1992]. В 2000-е гг. возрастает исследовательский интерес к биографии и творчеству И. И. Лажечникова: защищены кандидатские диссертации С. М. Исуповой [1999], А. В. Чирковой [2006], М. Н. Красниковой [2011], затрагивающие различные аспекты изучения романной прозы писателя.

Как правило, при изучении романа «Ледяной дом» (1835) исследователи поднимали вопрос об историзме. А. С. Пушкин, высоко оценивая роман И. И. Лажечникова, указывал на то, что «истина историческая в нем не соблюдена» [Пушкин 1997: 62]. В свою очередь И. И. Лажечников отвечал А. С. Пушкину: «Историческую верность главных лиц моего романа старался я сохранить, сколько позволяло мне поэтическое создание, ибо в историческом романе истина всегда должна уступать поэзии...» [Пушкин 1997: 67]. Таким образом, для И. И. Лажечникова «критерием исторической истины являлось его субъективное, эмоционально-поэтическое восприятие истории» [Степанов 1953: 559].

В центре внимания исследователей чаще всего оказываются главные участники конфликта двух политических партий — патриот Артемий Волинский и немецкий временщик Бирон: один «идеализируется автором согласно романтической поэтике и вопреки историческим фактам» [Чиркова 2006: 49], другой выступает в качестве романтического злодея. Такой подход связан с романтическими установками, а также с жанровыми особенностями исторического романа. По мнению В. Ю. Троицкого, автор сосредоточен на «историко-этнографических картинах и нравственно-психологических драмах героев» [Троицкий 1985: 183].

Следует отметить, что в интересующем нас аспекте — калмыцкий компонент в романе «Ледяной дом» — литературоведы лишь вкратце упоминают о прототипах Кульковского (писатель не называет его имени) и Акулины Саввишны Подачкиной — князе М. А. Голицыне и калмычке А. И. Бужениновой [Исупова 1999: 65; Красникова 2011: 111] — и более к этим образам не обращаются. Две фигуры — А. С. Подачкина и Кульковский, для которых сооружается на Неве ледяной дом, отходят в исследованиях на второй план, хотя И. И. Лажечников в самом заглавии эксплицирует главную тему, а шутовская свадьба является кульминационным событием всего романа. Таким образом, очевидно, что данная тема недостаточно исследована и требует основательной проработки.

«Ледяная» свадьба князя-шута Михаила Алексеевича Голицына-«Квасника» и калмычки-шутихи Евдокии Ивановны Бужениновой, сыгранная 6 февраля 1740 г., представляет один из ярких эпизодов эпохи правления Анны Иоанновны. Если свадьбы шутов (Ефима Волкова, Якова Тургенева, Феофилакта Шанского) и маскарады «этнографической» тематики (при праздновании Полтавской победы и заключении Ништадского мира) имели место при царствовании Петра I, то построение ледового дворца стало новшеством Анны Иоанновны. Как утверждает современный историк Н. И. Павленко, именно шутиха Е. И. Буженинова «заявила императрице о своем желании выйти замуж. Жениха ей подыскала сама Анна Иоанновна — им оказался шут М. А. Голицын. Камергер Татищев подал мысль устроить свадебные торжества в Ледяном доме. Осуществил затею А. П. Волинский» [Павленко 2002: 142]. Выбор в качестве жениха М. А. Голицына историки объясняют двояко: с одной стороны, женитьба на шутихе-калмычке была призвана унижить человеческое и княжеское достоинство представителя знатного рода, с другой — он был наказан за тайный брак с католичкой, расторгнутый императрицей.

Очевидец свадьбы генерал Х. Г. Манштейн в «Записках о России» свидетельствует о том, что на «этнографический» свадебный маскарад «императрица предписала всем губернаторам выслать в Петербург по несколько инородцев обою полу» с целью «показать, сколько различных народов в ее обширных владениях» [Манштейн 1875:

184]. Как отмечает Е. Погосян, план торжества был гораздо масштабнее: согласно переписке двора с Академией наук, в маскарадном шествии должны были принять участие как экзотические народы, подданные Анны Иоанновны, так и «азиатские народы» и «жители четырех частей земли: Европы, Азии, Америки и Африки». Исследовательница предполагает, «что на этом этапе шествие хотели устроить по „петровскому“ сценарию, то есть представить правителей экзотических народов со своими свитами» [Погосян]. В списке «этнографических» персонажей, необходимых для устройства маскарада, были указаны и калмыки.

Описывая «разнообразие одежд, лиц и наречий», пришедших на смотр к распорядителю праздника А. П. Волынскому, автор обращает внимание на калмыка: «Вот и калмык разевает свои кротовые глазки, чтобы взглянуть на чудеса русские; с ним все жите-бытье его — колчан со стрелами и божки его, которых он из своих рук может казнить и награждать» [Лажечников 1979: 47]. И. И. Лажечников выделяет лишь одну портретную метафорическую деталь — «кротовые глазки» калмыка, указывая тем самым на их особую форму, отличающую его от представителей других народностей.

Лук и стрелы, упоминаемые И. И. Лажечниковым, являлись главным оружием калмыка и непременным атрибутом его снаряжения. Их использовали как для охоты, так и как в качестве боевого оружия. По мнению историка А. Н. Басхаева, «трудная и опасная жизнь кочевника на открытых пространствах, где паслись тысячные стада скота, нуждающиеся в охране от хищников и врагов, сама по себе сделала главным оружием степняка лук» [Басхаев 2007: 194]. Лук и стрелы, «хорошо приспособленные для ведения стрельбы в условиях интенсивного, маневренного конного боя» [Басхаев 2007: 195], вплоть до середины XVIII в. были одним из главных военных орудий кочевника.

Что касается упоминаемых автором «божков», то здесь, на наш взгляд, речь идет о буддийских ритуальных фигурах из теста и масла, используемых для подношений — торма, а точнее, об одном из видов торма — «торма для божеств», которые изготавливаются для представления «символической телесной формы или мандалы божества» [Бир 2011: 352]. Различают «мирные» торма (для таких божеств, например,

как Авалокитешвара, Белая Тара) и «гневные» торма (для Махакалы, Ваджракилайя), представляющие различных божеств и отличающиеся друг от друга формой и цветом. При проведении того или иного ритуала одни торма, которые являются целебной благословенной субстанцией, благословляют, затем скармливают животным, раздают участникам ритуала; другие — бросают в огонь, разрубают на двенадцать частей, что символизирует устранение препятствий, борьбу с «врагами». Таким образом, одних торма калмык «награждает», превращая их в благословенную субстанцию для подношений, других — «казнит», уничтожая.

В «странном», «дикивинном» свадебном поезде, тянущемся за экипажем новобрачных, помимо многочисленных народностей, едущих на волах, оленях, ослах, свиньях, называются и «калмыки на верблюдах» [Лажечников 1979: 315]. Исследователи отмечают, что калмыки использовали верблюдов не только в качестве вьючных и упряжных, но и для верховой езды: «Специального седла для поездки верхом на верблюде не было. Сиденьем для ездовых могли служить подушки, потник из-под седла лошади, но без стремян, хотя часто стремяна делались из прочной веревки» [Эрдниев, Максимов 2007: 267]. «Блеянье, лай, мычанье, рев, ржанье, звон бубенчиков и колокольчиков» [Лажечников 1979: 315] призваны подчеркнуть у И. И. Лажечникова хаос происходящего.

Как известно, события в романе происходят холодной зимой, и автор указывает на то, что дворяне пользовались в сильные морозы калмыцкими тулупами, отлично защищающими от холода: «На шум двора вошел Шурхов в переднюю. Узнав, в чем дело, потребовал себе калмыцкий тулуп...» [Лажечников 1979: 248]. Один из ватаги святочных ряженых, ввалившихся в дом А. П. Волынского, был одет журавлем, туловище которого «было из вывороченной шубы калмыцкого меха...» [Лажечников 1979: 98]. Как указывает Д. П. Иванов, «калмыцкий тулуп был вещью не совсем дешевой даже и в старинную пору: подобные тулупы с коричневою и особенно черною мехом продавались от тридцати до шестидесяти рублей по тогдашнему счету на ассигнации, и носившего подобный тулуп нельзя было признать крайним бедняком» [Иванов 1977: 78].

Обращая внимание на национальную принадлежность многих героев, И. И. Лажечников не назвал национальности одной из главных героинь этой истории, а именно «барской барыни» А. С. Подачкиной, прототипом которой, как известно, была шутиха-калмычка, «пользовавшаяся особенным благоволением императрицы (Анны Иоанновны. — *Е. О.*) и носившая, в честь ее любимого блюда, фамилию „Бужениновой“» [Шубинский 1873: 347]. Исторический факт национальной принадлежности Е. И. Бужениновой не оспорим, он скорее всего был известен И. И. Лажечникову, так как автор серьезно занимался изучением быта и нравов эпохи, проводил большую работу с первоисточниками — «штудировал записки Манштейна, Корфа, Миниха» [Нечкина 1979: 25]. Упоминание о калмыках встречается неоднократно в тексте романа, но образ А. С. Подачкиной так и остается ментально не идентифицированным, ментальные черты никак не проступают в ее образе.

Переименовывая героиню, автор акцентирует тем самым внимание на характере шутихи. Имя Акулина в переводе с греческого языка означает «орлиная», что вполне определяет ее мечты о достижении больших высот и получении дворянского звания. Фамилия Подачкина манифестирует ее способ существования — жить подачками, которые она получает от приближенных Бирона за предательство кабинет-министра А. П. Волынского, являясь в его доме «барской барыней».

В 1740 г. Е. И. Бужениновой исполнилось 30 лет, в то время как в романе И. И. Лажечникова у Подачкиной есть уже взрослый сын Ферапонт, молодой человек, состоящий в должности пристава, которого она мечтает «произвесть в офицеры» [Лажечников 1979: 43]. Значит, возрастом романная героиня старше своего исторического прототипа. Подачкина в романе является вдовой (муж ее был «дядькой» в доме А. П. Волынского), что соответствует исторической истине: в «Истории русских родов» указывается на то, что М. А. Голицын «женат был на шутихе вдове Авдотье Ивановне Бужениновой», но о сыне умалчивается [История русских родов].

Историк А. Джалаева создает словесный портрет А. И. Бужениновой, согласно которому она была «низкорослая, колченогая, чернявая» [Джалаева 2010: 48]. Исследователь С. Н. Шубинский отмечает, что

«карлица-шутиха» была «уже не молодая и некрасивая собой» [Шубинский 1873: 347]. Культуролог Л. Бердников пишет о «заразительной улыбке, открывающей белейшие неровные, спереди выпирающие зубы» [Бердников]. Внешность героини в романе И. И. Лажечникова дается весьма скупой и далекой от словесного портрета современников. И. И. Лажечников изобразил Подачкину с «длинным-предлинным станом», туловищем, «вытянутым, как жердь», «голова ее трясется, вероятно, от употребления <...> сильного притирания», «морщиноватые кисти рук», «веками она беспрестанно хлопает и мигает» [Лажечников 1979: 44]. Лицо у «барской барыни» «шафранное», т. е. имеет желто-оранжевый цвет с коричневым оттенком [Ожегов, Шведова 2003: 893], глаза «серые», «тусклые» [Лажечников 1979: 223]. Автор обращает внимание на то, что Подачкина трясет плечами и головой, «поставленной как бы на проволоке» [Лажечников 1979: 223], часто моргает, что, возможно, придает ей сходство с марионеткой, роль которой она играет, предавая своего хозяина ради собственной выгоды. Своё отношение к героине автор высказывает, называя ее «пиковой дамой» (явный намек на драматическую роль, как у пушкинской героини) и «мумией» (возможно, из-за смуглоты и худобы). И романная героиня, и А. И. Буженинова обладали острым языком и сметливостью, умением создавать вокруг себя особую атмосферу своими шутками, прибаутками, присказками, пословицами и поговорками: «большому кораблю и большое плавание; маленький подождет, пока тот отойдет» [Лажечников 1979: 225] и пр.

Авдотья Буженинова была крещена, как и многие калмыки, которых знать забирала в свои дома, о чем говорится в романе: «При дворе и знати была тогда мода на калмыков и калмычек, не менее бешеная, как на дураков, шутов и сказочников обою пола и разного состояния, начиная от крепостных до князей. С жадностью доставали детей азиатской породы, как дорогую собачку или лошадь, и не один супруг пострадал от холода своей половины, если не мог подарить ей в годовую праздник восточного уродца. Калмыков этих приводили в веру крещеную, лелеяли, клали спать с собою в одной спальне и выводили в люди, то есть в офицеры, или выдавали замуж за офицеров с богатым приданым, часто на счет и к невыгоде родных детей» [Лажечников 1979:

74]. Набожность Подачкиной в романе выглядит шутовски, она постоянно крестится не к месту, что придает комический эффект сакральному жесту.

Реальная А. И. Буженинова была воспитанницей А. П. Волынского, который, соответствуя «моде на слуг экзотической наружности», «в бытность астраханским губернатором взял в услужение девочку-калмычку» [Джалаева 2010: 48]. Ей дали русское имя и фамилию, крестили. Известны несколько случаев, когда в царские или аристократические дома брали калмычек для развлечения и услуг, среди которых (кроме упомянутой Авдотьи Бужениновой) — калмычка Аннушка графини Варвары Шереметьевой и калмычка императрицы Екатерины II Мария Петрова.

В доме А. П. Волынского А. И. Буженинова заняла место «барской барыни», имеющей власть над слугами, но принадлежащей хозяйке дома, что находит отражение и в романе. У И. И. Лажечникова Подачкина не является шутихой при дворе Анны Иоанновны, хотя А. П. Волынский «поставил ко двору» императрицы Буженинову в 1732 г., когда «перешел на службу в придворное ведомство» [Джалаева 2010: 49].

В сюжете романа Подачкина играет определенную роль: она способствует расправе над А. П. Волынским, докладывая сторонникам герцога Бирона обо всем, что происходит в доме кабинет-министра. Мечтавшая о дворянском титуле «барская барыня» наконец-то получает его, выходя замуж за Кульковского. Героиня достигает той высоты почестей и могущества, к которой так стремилась. Все описанные в романе события, вымышленные автором, нацелены на то, чтобы ярче показать борьбу между двумя политическими противниками — А. Волынским и Э. Бироном.

Согласно историческим фактам, А. И. Буженинова спасает своего мужа от смерти в ледяном доме, проявляя находчивость, — «за колечко с камешком» выпрашивает «на ночь у стражника тулуп» [Джалаева 2010: 49]. В романе «молодых» находит «в предсмертном усыплении» караульный офицер, их относят на квартиру, и лекарь «возвращает им жизнь» [Лажечников 1979: 318]. После свадьбы госпожа Кульковская появляется в романе последний раз, когда выступает в роли «палача», рассказывая беременной госпоже Волынской всю правду про ее мужа, влюбленного

в молдаванскую княжну Мариорицу. Дальнейшая судьба героини в романе не прослеживается. Калмычка А. И. Буженинова же поселилась в подмосковном селе Братовщине, родила М. А. Голицыну двоих сыновей и умерла при последних родах, в 1742 г., в возрасте 32 лет.

Единственным косвенным намеком на происхождение и национальность Акулины Саввишны Подачкиной (Авдотьи Бужениновой) является, на наш взгляд, высказывание автора: «Еще и ныне в степной глуши звучит иногда имя барской барыни (курсив наш. — Е. О.), но потеряло уже свое сильное значение» [Лажечников 1979: 44].

Можно предположить, что невнимание к национальности обусловлено недостаточным количеством биографического материала о шутихе-калмычке, позицией автора, намеренно игнорирующего этот факт и переносящего акцент с исторической истины на изображение нравственного климата эпохи.

Отдельные упоминания о калмыках, разбросанные по тексту романа, достаточно лаконичны, не содержат обширных портретных описаний, этнографических подробностей или пространных этнических зарисовок, что объясняется, на наш взгляд, зарождением этнографических тенденций в литературе русского романтизма, возрастающим интересом к инациональному, «чужой» культуре. И. И. Лажечников в своем романе не стремится к исторической и этнографической достоверности, он ставит своей задачей воспроизведение мрачной эпохи «бионовщины», в которой одну из ролей сыграла шутиха-калмычка Авдотья Буженинова. Писатель обращает свое внимание не на историческое и национальное, а на вечное и общечеловеческое.

Литература

- Басхаев А. Н. Ойраты. Воины Великой степи. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 272 с.
- Бердников Л. Квасник-дурак // Новый берег. 2008. № 2 [электронный ресурс] // URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2008/22/be25.html> (дата обращения: 25.04.2016).
- Бир Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. М.: Ориенталия, 2011. 428 с.
- Викторович В. А. Утраченный юбилей // Независ. газ. 1992. 25 сентября.
- Джалаева А. Была ли Буженинова «дуркой»? // Теегин герл. 2010. № 3. С. 42–50.

- Иванов Д. П. Сообщения при чтении биографии В. Г. Белинского (Н. Л. Пыпина) (Пребывание Белинского в гимназии) // В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М.: Худ. лит., 1977. С. 53–100.
- Ильинская Н. Г. Творчество И. И. Лажечникова и проблема русского исторического романа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969. 25 с.
- История русских родов [электронный ресурс] // URL: <http://www.russianfamily.ru/g/golich.html> (дата обращения: 10.04.2016).
- Исупова С. М. Эволюция прозы И. И. Лажечникова (Проблемы метода и жанра): дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 184 с.
- Красникова М. Н. Роль фольклорной традиции в становлении типа исторического повествования (Н. А. Полевой, И. И. Лажечников, А. К. Толстой): дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2011. 258 с.
- Лажечников И. И. Ледяной дом. М.: Правда, 1979. 384 с.
- Литвинова Т. С. Творческий путь И. И. Лажечникова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1960. 25 с.
- Манштейн Х. Г. Записки Манштейна о России. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. 399 с.
- Нечаева В. С. Лажечников И. И. Пенза: Изд. и типолит. изд-ва газ. «Сталинское знамя», 1945. 58 с.
- Нечкина М. «Ледяной дом» И. И. Лажечникова // Лажечников И. И. Ледяной дом. М.: Правда, 1979. С. 3–36.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ технологии, 2003. 944 с.
- Павленко Н. И. Анна Иоанновна (Немцы при дворе). М.: АСТ-пресс кн., 2002. 381 с.
- Петров С. М. Исторический роман // История русского романа: в 2 т. М.; Л.: АН СССР, 1962. Т. 1. С. 203–250.
- Петрунина Н. Н. Роман «Ледяной дом» и его автор // Лажечников И. И. Ледяной дом. Минск: Народная асвета, 1985. С. 3–20.
- Погосян Е. «И невозможное возможно»: свадьба шутов в Ледяном доме как факт официальной культуры [электронный ресурс] // URL: <http://www.ruthenia.ru/document/502913.html> (дата обращения: 30.04.2016).
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. М.: Воскресенье, 1997. Т. 16: Переписка 1835–1837. 532 с.
- Сиповский В. В. Русский исторический роман первой половины XIX века // Статьи по славянской и русской филологии. Л.: АН СССР, 1928. Т. 101. № 3. С. 63–68.
- Степанов Н. Л. Проза 20–30-х гг. // История русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 6. С. 501–562.
- Троцкий В. Ю. Иван Иванович Лажечников и его роман «Ледяной дом» // Литература в школе. 1992. № 2. С. 6–13.
- Троцкий В. Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20–30-х годов XIX в. М.: Наука, 1985. 245 с.
- Чиркова А. В. Романы И. И. Лажечникова в историко-культурном контексте: дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2006. 134 с.
- Шубинский С. Н. Императрица Анна Иоанновна, придворный быт и забавы. 1730–1740 // Русская старина. 1873. Т. 7. № 3. С. 336–353.
- Эрдниева У. Э., Максимов К. Н. Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 429 с.

References

- Bashaev A. N. *Ojraty. Voiny Velikoj stepi* [The Oirats. Warriors of the Great Steppe]. Elista, ZAO "NPP "Dzhangar" Publ., 2007, 272 p. (In Russian).
- Beer R. *Jenciklopedija tibetskih simbolov i ornamentov* [The encyclopedia of Tibetan symbols and motifs]. Moscow, Orientalija Publ., 2011, 428 p. (In Russian).
- Berdnikov L. *Kvasnik-durak* [Kvass brewer the fool]. *Novyj bereg* (The New Shore). Available at: <http://magazines.russ.ru/bereg/2008/22/be25.html> (accessed: 25 April 2016) (In Russian).
- Chirkova A. V. *Romany I. I. Lazhechnikova v istoriko-kul'turnom kontekste: dis. ... kand. filol. nauk* [I. I. Lazhechnikov's novels in the historical and cultural context. Ph. D. thesis]. Kolomna, 2006, 134 p. (In Russian).
- Dzhalaeva A. *Byla li Buzheninova «durkoj»? [Was Ms. Buzheninova "wild"?]. *Teegin gerl*. 2010, no. 3, pp. 42–50 (In Russian).*
- Erdniev U. E., Maksimov K. N. *Kalmyki: istoriko-jetnograficheskie ocherki* [The Kalmyks: historical and ethnographic sketches]. Elista, Kalm. Book Publ., 2007, 429 p. (In Russian).
- Il'inskaya N. G. *Tvorchestvo I. I. Lazhechnikova i problema russkogo istoricheskogo romana: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [I. I. Lazhechnikov's work and the problem of the Russian historical novel. Ph. D. thesis]. Leningrad, 1969, 25 p. (In Russian).
- Istorija russkih rodov* [History of Russian families]. Available at: <http://www.russianfamily.ru/g/golich.html> (accessed: 10 April 2016) (In Russian).

- Isupova S. M. *Jevoljucija prozy I. I. Lazhechnikova (Problemy metoda i zhanra): dis. ... kand. filol. nauk* [Evolution of Lazhechnikov's prose (Problems of the method and genre). Ph. D. thesis]. Tver, 1999, 184 p. (In Russian).
- Ivanov D. P. *Soobshhenija pri chtenii biografii V. G. Belinskogo (N. L. Pypina) (Prebyvanie Belinskogo v gimnazii)* [Reports at the reading of V. G. Belinsky's biography (N. L. Pynina) (Belinsky at the gymnasium)]. *V. G. Belinskij v vospominanijah sovremennikov* (V. G. Belinsky as recalled by his contemporaries). Moscow, Hud. lit. Publ., 1977, pp. 53–100 (In Russian).
- Krasnikova M. N. *Rol' fol'klornoj tradicii v stanovlenii tipa istoricheskogo povestvovanija (N. A. Polevoj, I. I. Lazhechnikov, A. K. Tolstoj): dis. ... kand. filol. nauk* [Role of folklore in the development of the historical narrative genre. Ph. D. thesis]. Astrakhan, 2011, 258 p. (In Russian).
- Lazhechnikov I. I. *Ledjanov dom* [The House of Ice]. Moscow, Pravda Publ., 1979, 384 p. (In Russian).
- Litvinova T. S. *Tvorcheskij put' I. I. Lazhechnikova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [I. I. Lazhechnikov's career as a writer. Ph. D. thesis]. Moscow, 1960, 25 p. (In Russian).
- Manshtejn H. G. *Zapiski Manshtejna o Rossii* [Manstein's Notes about Russia]. Saint Petersburg, V. S. Balashev Print House Publ., 1875, 399 p. (In Russian).
- Nechaeva V. S. *Lazhechnikov I. I.* [Lazhechnikov I. I.]. Penza, Izd. i tipolit. izd-va gaz. «Stalinskoe znamja», 1945, 58 p. (In Russian).
- Nechkina M. *«Ledjanov dom» I. I. Lazhechnikova* [I. I. Lazhechnikov's House of Ice]. *Lazhechnikov I. I. Ledjanov dom* [I. I. Lazhechnikov. The House of Ice]. Moscow, Pravda Publ., 1979, pp. 3–36 (In Russian).
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, ITI Tehnologii Publ., 2003, 944 p. (In Russian).
- Pavlenko N. I. *Anna Ioannovna (Nemcy pri dvore)* [Anna Ioannovna (Germans at the court)]. Moscow, AST-press Publ., 2002, 381 p. (In Russian).
- Petrov S. M. *Istoricheskij roman* [The historical novel]. *Istorija russkogo romana: v 2 t.* [History of the Russian novel]. Moscow; Leningrad, The USSR Academy of Sciences Publ., 1962, vol. 1, pp. 203–250 (In Russian).
- Petrunicina N. N. *Roman «Ledjanov dom» i ego avtor* [The House of Ice and the author]. *Lazhechnikov I. I. Ledjanov dom* (I. I. Lazhechnikov. The House of Ice). Minsk, Narodnaja asveta Publ., 1985, pp. 3–20 (In Russian).
- Pogosyan E. *«Inevozmozhnoe vozmozhno»: svad'ba shutov v Ledjanom dome kak fakt oficial'noj kul'tury* [“And the impossible is possible”: jesters' wedding in the Ice Palace as a fact of official culture]. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/502913.html> (accessed: 30 April 2016) (In Russian).
- Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenij: v 17 t.* [The complete set of works, in 17 vol.]. Moscow, Voskresen'e Publ., 1997, vol. 16, 532 p. (In Russian).
- Sipovskij V. V. *Russkij istoricheskij roman pervoj poloviny XIX veka* [The Russian historical novel in the first half of the 19th century]. *Stat'i po slavjanskoj i russkoj filologii* (Articles on Slavic and Russian linguistics). Leningrad, The USSR Academy of Sciences Publ., 1928, vol. 101, no/ 3, pp. 63–68 (In Russian).
- Shubinskij S. N. *Imperatrica Anna Ioannovna, pridvornyj byt i zabavy. 1730–1740* [The Empress Anna Ioannovna, court life and amusements. 1730–1740]. *Russkaja starina* (Russian Antiquity). 1873, vol. 7, no. 3, pp. 336–353 (In Russian).
- Stepanov N. L. *Proza 20–30-h gg.* [Prose of the 20–30s]. *Istorija russkoj literatury* [History of Russian literature]. Moscow; Leningrad, The USSR Academy of Sciences Publ., 1953, vol. 6, pp. 501–562 (In Russian).
- Troickij V. Yu. *Hudozhestvennye otkrytija russkoj romanticheskij prozy 20–30-h godov XIX v.* [Artistic revelations of the Russian romantic prose in the 1920–1930s]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 245 p. (In Russian).
- Troickij V. Yu. *Ivan Ivanovich Lazhechnikov i ego roman «Ledjanov dom»* [Ivan Ivanovich Lazhechnikov and his House of Ice]. *Literatura v shkole* (Literature at school). 1992, no. 2, pp. 6–13 (In Russian).
- Viktorovich V. A. *Utrachennyj jubilej* [The lost jubilee]. *Nezavis. gaz.* (Nezavisimaya Gazeta, newspaper). 1992, 25 September (In Russian).

УДК 821.161.1.09+821.512.37.09

**ИНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ (КАЛМЫЦКИЙ) КОМПОНЕНТ
В РОМАНЕ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА «ЛЕДЯНОЙ ДОМ»**Елена Александровна Орлова¹

¹ старший преподаватель, кафедра русской и зарубежной литературы, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация). E-mail: elena.orlova08@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению инонационального, в частности калмыцкого, компонента в историческом романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом» (1835). Этнографические детали национальной культуры и быта калмыков, представленные в романе, призваны расширить изображение историко-этнографической картины жизни представителей разных народов многонациональной России, а также показать возрастающий интерес писателей романтического направления русской литературы к «чужой» культуре, инонациональному.

Автором статьи проанализированы характерные особенности изображения в романе калмыцких исторических реалий, которые носят этнографический характер и придают повествованию особый исторический колорит: национальные портретные детали («кротовые глазки» калмыка); оружие калмыков («колчан со стрелами»); особая форма подношений божествам, используемая калмыками в буддийских ритуалах (фигурки из теста и масла *торма*); один из способов передвижения («калмыки на верблюдах»); виды калмыцкой национальной одежды (калмыцкий тулуп, шуба). Автор статьи отмечает, что упоминания о калмыках, элементах их культуры и быта, разбросанные по тексту романа, достаточно емки и лаконичны, что свидетельствует, с одной стороны, о попытке писателя придать повествованию характер исторического правдоподобия, с другой — говорит о зарождении этнографических тенденций в русском литературном процессе первой трети XIX в.

Значительное внимание в данной статье уделяется образу Акулины Саввишны Подачкиной, прототипом которой явилась калмычка Евдокия Ивановна Буженинова, придворная шутиха императрицы Анны Иоанновны. В основу сюжета романа положен общеизвестный исторический факт — «ледяная» свадьба шутихи-калмычки Бужениновой и опального дворянина-шута Голицына. Автор статьи соотносит исторический прототип и образ романной героини, раскрывая характер и роль Подачкиной в сюжете произведения.

Образ «барской барыни» Подачкиной остается ментально не идентифицированным, Лажечников не указывает на национальную принадлежность героини, хотя неоднократные упоминания о калмыках и тщательное изучение научных трудов о жизни степного народа говорят о несомненном знакомстве писателя с культурой и бытом калмыков. Невнимание к национальности героини, по мнению автора статьи, обусловлено недостаточным количеством биографического материала о шутихе-калмычке, позицией автора, намеренно игнорирующего этот факт и переносящего акцент с исторической истины на изображение нравственного климата эпохи.

В статье затрагивается вопрос об историзме романа, причинах несоблюдении исторической истины в произведениях писателя-романтика.

Ключевые слова: инонациональный компонент, романтизм, этнографизм, исторический роман, историзм.